ПОСТЭПИДЕМИЯ
ТОЛЬКО на ЛИТРЕС
НЕБЕСНЫЙ ЧЕЛОВЕК
ТАРАС ВИТКОВСКИЙ

Тарас Витковский
Небесный человек
Серия «Постэпидемия»

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

В городе, охваченном пандемией, есть загадочный «небесный человек» – летчик, который помогает уставшим и больным людям летать. Но вот бедствие побеждено. Узнает ли девушка-медсестра того, с кем познакомилась во сне?

Содержание

1	4
2	8
3	12
4	17
5	19

Тарас Витковский
Небесный человек

1

Чаще всего Полине вспоминался тот день, когда она в последний раз пила чай в магазине «Самовар». Там работала веселая рослая женщина лет сорока, которую все называли «Барышня-самоварышня»; она охотно рассказывала интересные байки про разные сорта чая, носящие диковинные названия, и предлагала попробовать уже заваренный. В прозрачном чайничке на крохотной жаровенке светился янтарным, медным, а то и бледно-зелёным, как трава, пронизанная солнцем, – чай, чай, чай…

Уже понятно было, что тень пандемии вот-вот накроет город, но ещё дорабатывали последние дни кафе и некоторые магазины, и Полина заглянула в «Самовар».

– Мы-то бессмертные, – сказала «барышня», улыбаясь, и Полина внезапно от всего сердца поверила, что так оно и есть. – Мы чай пьём. И покупатели наши бессмертные… – Она посмотрела на чайник и вздохнула: – Недавно заварила, а сейчас вот пришло постановление: никаких дегустаций. Давайте допьём…

И они вдвоем допили этот последний чайник, после че-

го «барышня» убрала и его, и одноразовые стаканчики. Как будто ёлочные игрушки спрятала в коробку, где они будут ждать следующего Нового года.

Полина купила несколько пачек разных сортов чая и вышла на улицу. Весна шагала по городу уверенной поступью, и ощущалось это не столько даже в победоносном щебете воробьёв, сколько в звоне трамваев. Странно было в такой день предчувствовать беду, уже стоящую на границе города, но всё объединилось и смешалось в чувствах: болезнь, подкатывающаяся тёмным валом, и весна, распахивающая небо, бессмертие, даруемое чаем, и чайник, спрятанный в коробку до лучших дней.

Вот эти полчаса и остались у Полины как последняя вспышка света перед тем, как жизнь её вся целиком превратилась в работу. Не-работой остались только несколько часов для сна.

Полина училась на последнем курсе медицинского, её специальностью были детские болезни. Она была высокой девушкой с ясными, небольшими серыми глазами. Если какой-нибудь молодой человек втайне и грезил об этих серых глазах, то Полине в любом случае не было о таком известно. Она интересовалась исключительно учёбой, будущей работой, карьерой, а не «всеми этими глупостями», и на дежурную фразу бабушки о том, что «часики-то тикают», отвечала пожатием плеч и предложением лучше поиграть в карты. Бабушка любила перекинуться в «подкидного дурака» и по-

детски радовалась, когда выигрывала.

Полина жила с бабушкой. Её родители погибли, когда девочке было шесть лет, – разбились на автомобиле. Бабушку звали Прасковья Филипповна, Полину назвали в её честь, а когда бабушка воспротивилась и запретила записывать ребенка как «Прасковью» («в школе будут дразнить»), родители согласились на «Полину». И очень даже напрасно: в классе было четыре Полины, на «потоке» в институте – двенадцать. Двенадцать Полин! И ни одной Прасковьи…

…Когда «бедственное поветрие» (в бабушкиной формулировке) взошло на порог, Полина несколько дней обдумывала ситуацию. С одной стороны, бабушка, естественно, нуждается в заботе. Она ещё не старая, конечно, но все-таки старше шестидесяти. Заманчиво было бы просто оставаться дома, читать книги, учиться по удалёнке и время от времени выбираться в экспедицию за продуктами. Но Полина решила иначе.

Узнав о том, что внучка собирается стать волонтёром и работать медсестрой, бабушка долго молчала. Потом глаза её стали светлее, и она сказала: «И правильно, Поля! Какой же ты иначе будешь врач!» Потом вдруг всхлипнула и махнула рукой: «Только присылай мне сообщения. И фотки. Чтобы я знала, как ты там». Полина купила бабушке смартфон, а пользоваться им Прасковья Филипповна научилась сама. Она была, в общем, современным человеком. «Бабушка, ты мне тоже присылай, – сказала Полина, обнимая её. – Регу-

лярно, слышишь?»

И снова девушке вспомнилась та последняя чашка чая в «Самоваре». Уже за чертой, в прошлой жизни. Бабушкины объятия, её доброе ворчание (по-домашнему – «жужжание»), бабушкина стряпня и разговоры – всё это, как и заварочный чайник из магазина «Самовар», отправлялось в коробку – ждать, пока пойдут неправильные времена.

2

Кувшинников вёл самолёт над заливом. Впереди был виден форт и отчётливо, как на картинке, вырисовывались корабли, аккуратно расставленные по водной глади. Солнце опускалось ниже и ниже, его лучи выпукло вычерчивали мельчайшую деталь. Вот прошли внизу зубьями расчёски причалы, медленно вплыл тёмным золотом церковный купол, а затем над морским простором хлынуло чистое, свободное солнечное золото и поглотило всё. Самолёт влетал в закат.

Кувшинников любил этот момент, когда всё соединялось в линии горизонта: солнце, самолёт, человек, вода и небо. «Цессна» наполнялась светом… нет, она сама становилась светом, и именно этого мгновения Кувшинников и ждал. Оно было неуловимым, как переход от дремоты, когда обрывки мыслей ещё бродят в голове, к провалу в мягкую тьму, где нет ничего, кроме покоя.

Самолёт исчезал из видимого мира, растворяясь в свете заката, и влетал в сны других людей.

Человек во сне летает. Бабушка Полины говорила, что пока человек летает во сне – он растёт. А как вырастет – летать перестаёт. Но Кувшинников мог бы возразить ей, что это неправда: в те дни, когда ему удавалось поднять самолёт в закатные часы – а закаты на севере долгие, – он видел лю-

дей, взмывающих в небо: летящих по воздуху так, как плавают в воде, парящих с раскинутыми руками, дотягивающихся до облаков… разных людей, но всех их объединяло одно: они были счастливы. Некоторые во сне смеялись и от звука этого смеха просыпались. А Кувшинников вёл среди них самолет и смотрел на бледные звёзды, едва проглядывающие в лёгкой голубой вышине.

Однажды в самолёте обнаружился пассажир. Но поскольку дело происходило на линии горизонта, между сном и явью, Кувшинников не удивился. Мальчик лет двенадцати сидел рядом с ним на месте второго пилота и дерзко стрелял глазами.

– Что, хочешь порулить? – спросил Кувшинников.

Мальчик фыркнул носом, но в его взгляде появилась жадность. Кувшинников показал ему приборы, затем сказал: «Давай» – и прибавил: «Знаешь, как говорил в своё время Нестеров?» – «Это который мертвую петлю сделал?» – проявил познания мальчик. Даже не кивнув, потому что смысла не было, Кувшинников продолжил: «В воздухе везде есть опора. Понимаешь, что это значит?» – «Не очень», – признал мальчик. «На воде лежал когда-нибудь? В воздухе – то же самое. И только малая авиация позволит тебе это ощутить в полной мере…»

Они летели вместе, пока совсем не стемнело. Тогда мальчик исчез, а вместе с ним исчезла и лёгкость, даруемая светом, и Кувшинников понял, что вернулся в обычный мир. В

мир не спящих людей. В мир, где ему пора поворачивать к аэродрому и садиться.

Он подумал об ангаре, где есть плитка и кипит чайник, где домашние печенья лежат в старой стеклянной вазочке. Стол, накрытый клеёнкой, и фотографии самолётов на стене. И разобранный аппарат, и разложенные по ранжиру инструменты для работы с ним. Всё это – там, дома. В месте, которое больше, чем дом.

Самолёт сел почти в полной темноте. Кувшинников слыл «лихачом» и имел несколько взысканий, но на его совести не было ни одной угробленной машины.

Когда началась пандемия, Кувшинников остался на аэродроме. Ночевал там же, на диване, конфигурацию которого следовало предварительно изучить, чтобы спать в удобной позе; самоуверенных зелёных новичков диван безжалостно карал. Закупались продуктами в ближайшем сельмаге, куда вход был воспрещен без масок и перчаток. В жизни аэродрома немногое поменялось – разве что не стало пассажиров, которые в былые времена обычно появлялись на выходных и заказывали прогулочные полёты. Но работа на аэродроме не прекращалась.

Кувшинников вылетал каждый день и всегда на закате. Он был единственным, у кого только прибавилось пассажиров. Но рассказывать об этом было нельзя.

Входя в линию горизонта, он проникал в чужие сны. В сны людей, борющихся с недугом, в сны врачей. Это были

взрослые люди, которые больше не росли и давно уже забыли детское ощущение полёта. Он подхватывал их с больничных кроватей, с коек в комнате для дежурных, даже со стульев и скамей, и они оказывались в «Цессне», не понимая – что с ними происходит и как всё это произошло. Впрочем, и понимать-то не требовалось, ведь это были всего лишь сны.

Пассажиры Кувшинникова, невесомые и восхищённые, слушали успокаивающий гул мотора и любовались жидким золотом залива, сгустком церковного купола, кораблями-игрушками, резкими, словно кистью прочерченными облаками над линией горизонта. Они тыкали пальцами в звёзды и хватали ватные облака, прыгали на купол и проносились низко над водой, а затем вновь оказывались в самолёте. Но когда самолет разворачивался и в темноте, с догорающим закатным костром позади, шёл на посадку, в кабине уже никого, кроме самого лётчика, не было.

3

Полина даже не могла бы сейчас сказать, когда она в последний раз нормально высыпалась. Спать приходилось урывками: дежурство отнимало всё время жизни и только немного оставалось на общение с бабушкой (бабушка ненавидела скайп, говорила, что на экране все «мутанты как жертвы ядерной войны», поэтому приходилось писать ей в чате и в чате же присылать фотографии). Звонить тоже получалось не всегда… Кроме бабушки, Полина пыталась поддерживать отношения с товарищами по институту. Волонтёрили многие. Двое заразились и лежали в больницах. Но разговаривать было, по сути, не о чем: у всех происходило одно и то же – работа. Ежедневный труд по спасению людей.

Полина выезжала с бригадой – обходила дома и брала анализы. Появление людей в защитных костюмах, масках, с контейнером, полным дезинфицирующих средств, который везли от санитарной машины на колёсиках к подъезду, вызывало в пустых дворах особенный интерес. Полина видела в окнах людей, некоторые снимали на мобильники. «Ангелы», – сказала маленькая девочка, которая ходила по двору вместе с мамой и собакой. Полина засмеялась. Старший по группе распределял объекты, которые предстояло обойти и обработать. «Апокалиптичненько», – высказалась мама маленькой девочки. Полина хмыкнула под маской. Девочка висела на

маминой руке и повторяла: «Это ангелы, ангелы? Мама, это ведь ангелы? Они же белые целиком, люди так не бывают, да?» – «М-да», – сказала мама, думая о своём.

Полина сказала: «Это просто проверка». – «У меня такое чувство, будто я нахожусь посреди какого-то фильма, – призналась мама. Собака, которая, как и ребёнок, соскучилась без людей, усиленно махала хвостом. – Как будто мне прямо во двор подвезли какой-то боевик… Точнее, фильм-катастрофу». – «Это не фильм, – сказала Полина. – И уж точно не катастрофа». – «Вот это-то и странно», – отозвалась мама девочки. «Просто вы никогда раньше не видели вблизи людей в защитных костюмах, – объяснила Полина. – А это, в сущности, довольно простое дело».

Девочка и собака, которую Полина даже не могла погладить, показались девушке какими-то чудными сгустками энергии. Девушке сейчас катастрофически не хватало внутренних сил. Она даже не подозревала раньше о том, что у неё их так мало.

Тем более удивило её, когда одна из подруг, с которыми она разговаривала в обеденный перерыв, вдруг заметила: «Ну, ты-то у нас, Полинка, всегда была вулканом…» – «В смысле – вулканом?» – удивилась Полина. Она считала себя довольно сдержанным человеком. В общем-то интровертом. «В том смысле, что когда все уже валились с ног, ты продолжала заниматься», – напомнила подруга. На третьем курсе у них была компания, три девушки и парень, они вчетвером

готовились к экзаменам. Полина никогда не подозревала, что её считают самой выносливой. Но сейчас даже её «вулканические» силы были на исходе.

Она задремала прямо на посту дежурной медсестры, уронив голову на руки.

…Ей приснился сон. Нет, выразиться точнее – ей приснился полёт. Уже во сне Полина удивилась: «Разве я до сих пор расту?» Ей захотелось позвонить бабушке и рассказать об этом, но было некогда – она страшно занята, нужно лететь… Она медленно оторвалась от земли, развела руки и, ощущая упругую опору под ладонями, оттолкнулась, ещё и ещё – и взмыла над верхушками деревьев.

Деревья кучерявились внизу, и когда Полина смотрела на них с высоты, ей было совершенно не страшно. Полёт наполнял её силой, которой ей так не хватало… Она сделала несколько энергичных движений руками, загребая воздух, и внезапно увидела самолёт. В кабине сидел молодой человек лет тридцати – тридцати пяти, с очень обыкновенным лицом, нос немножко картошкой, тонкие губы, хмурые светлые глаза.

Полина сама не поняла, как очутилась рядом. Она уселась в кресло второго пилота.

– Пристегнитесь, – потребовал молодой человек.

Полина подчинилась.

Он сунул ей руку, не глядя: «Кувшинников». – «Полина». – «Михаил». – «Лопатина». – Они встретились глазами

и рассмеялись. Кувшинников смеялся удивлённо, как будто каждый раз внезапно обнаруживал в себе такую способность.

Полина не просила «порулить», она просто спокойно сидела рядом и смотрела, как внизу распахивается море, а наверху – небо. Кувшинников сказал:

– Почему я вас раньше не видел?

– А я почему вас тоже раньше не встречала? – отозвалась Полина.

– Наверное, вы раньше не летали, – высказал предположение Кувшинников.

– Все летают, пока растут, – ответила Полина. – А когда становятся взрослыми, то всё.

– Значит, вы ещё растёте? – удивился Кувшинников.

– Надеюсь, что нет! – засмеялась Полина. – Я и так метр семьдесят восемь. Бабушка говорит – трудно будет мне найти такого жениха, рядом с которым я смогу надеть туфли на каблуках.

– А это обязательно?

– Что? Жених или туфли на каблуках?

– И то, и другое.

– С моей точки зрения – нет, но бабушка огорчается.

– А, бабушка, – непонятно сказал Кувшинников. – Ну раз бабушка огорчается, тогда понятно.

Полина надулась:

– Вам-то какое дело?

– Да никакого, – сказал Кувшинников. – Идём на посадку.

4

И после этого разговора, как и до него, Кувшинников исправно продолжал катать по небу сновидений врачей, медсестёр, больных, но та девушка по-прежнему не выходила у него из головы. Жених ей нужен и туфли на каблуках, потому что бабушка огорчается, скажите пожалуйста!.. Он усмехался, вспоминая эту фразу, и на сердце у него теплело.

– Я сегодня отлично выспалась, – сообщила утром заведующая отделением Анна Григорьевна. – Просто удивительно. – Она покачала головой, заправляя прядь волос под тугую шапочку. – Два месяца не высыпалась, а тут прямо как дитя. И снилось что-то приятное, детское…

Полина ничего не сказала, но про себя подумала, что и у неё был хороший, крепкий сон, хорошо восстановивший силы. Двое больных, которые до сих пор тяжело и почти безнадёжно боролись с болезнью, внезапно пошли на поправку. Полина ни о чём их не расспрашивала. Она решила задать вопрос тому лётчику из её сна, если они встретятся ещё раз.

«Интересно, как это сделать? – подумала она вечером. – Можно ли вообще заказать сон?»

Но никаких полётов с ней больше не происходило. Полина просто закрывала глаза и отрубалась, а утром вставала и снова заступала на дежурство. Но тот лётчик, его резкий профиль с чуть выступающим вперед подбородком по-прежне-

му так и стоял у неё перед глазами.

Бабушка докладывала о своих успехах. Полина купила для неё несколько онлайн-курсов, и Прасковья Филипповна увлечённо училась рисовать акварелью букеты цветов и домашнее растение алоэ, которое уже тридцать лет стояло у неё на подоконнике.

– Ещё не влюбилась? – в который уже раз осведомилась бабушка. Судя по звукам – стучал о разделочную доску нож, – она разговаривала и одновременно с этим готовила. – Что, в больнице совсем нет симпатичных неженатых докторов или пациентов? Ты расспрашивала? В документах обычно пишут, посмотри, не будь овцой…

– Бабуля, да они же все в масках, – отшучивалась Полина. – Как я пойму, который из них симпатичный?

– По глазам, – авторитетно заявляла бабушка. – У кого глаза добрые, тот хороший человек.

– Хороший или симпатичный?

– Это одно и то же.

– Бабуль, тут у всех глаза как у кроликов – красные с недосыпу…

– Да хоть фиолетовые в крапинку, главное – доброта! – смеялась бабушка. – Мужчина добрым должен быть, а вовсе не умным. Умной должна быть жена!

Полина слушала бабушкин смех, и у неё становилось легче на душе.

5

– Что же вас так давно не было-то? – упрекнула Полину «барышня-самоварышня». – Мы вас ждали! Новый чай привезли, аромат богатейший.

…Пандемия отступила. Город, как живое существо, вырвавшееся из хватки чудовища, выдохнул с облегчением. На улицы хлынули люди. Ходили толпы, все толкались, но никто не обижался – радостно было ощущать рядом другого человека. Трамваи звенели торжествующе, наконец-то они набиты под завязку, и стоящие пассажиры нависают над сидящими, а при торможении падают друг на друга…

– Вы так и не закрывались? – спросила Полина у «барышни».

Та подмигнула:

– Мы же бессмертные! – И кивнула на чайник, стоящий на жаровенке: – Хотите попробовать новый сорт?

Полина взяла в руки одноразовый стаканчик и ощутила жар, пробивающийся сквозь пластик. Вдохнула аромат.

– Ну, так где вы были-то? Мы вас ждали. Не переболели, обошлось?

– Я… занята была, – сказала Полина. Ей не хотелось рассказывать о своей работе в больнице. Можно подумать, она хвастается. На самом деле она вполне серьёзно считала, что сделала слишком мало. Но, по крайней мере, она старалась

изо всех сил.

Полина купила упаковку этого нового чая и вышла из магазина. Перешла трамвайные пути, дошла до парка. На двух или трёх деревьях ещё остались прикрученные клейкой лентой объявления о том, что прогулки запрещаются. Дворник как раз аккуратно снимал одно из них.

Полина села на скамейку и бездумно уставилась в небо. Ей припомнился сон, в котором она летала и после которого у нее странным образом восстановилась энергия. И потом уже больше ни разу не было такого упадка сил, что бы ни происходило. Любопытно, но ещё несколько коллег рассказывали ей то же самое: мол, снился полёт – впервые с детских лет, – и потом как будто «заново родились».

После окончания пандемии Полина ещё ни разу не видела таких снов. Да она, собственно, и до пандемии таких не видывала.

Рядом с девушкой остановился человек, закрыл солнечный свет своей тенью. Полина, недовольная, подняла на него глаза.

Его лицо тонуло в тени, но её лицо, напротив, было ярко освещено. Внезапно из полумрака донёсся странно знакомый мужской голос:

– Ого! Даже так?.. – А затем: – Хотите мороженого? Есть смысл купить… и съесть прямо сейчас.

– Что? – Полина так растерялась, что даже не знала, что сказать. – Причём тут мороженое? И вообще, вы кто?

Незнакомец бесцеремонно плюхнулся рядом, вытянул длинные ноги. Полина покосилась на его странно знакомый профиль.

– Мы… встречались? – спросила она и тут же прикусила язык. Что за дурацкий вопрос! Именно эту фразу произносят парни, когда хотят познакомиться с девушкой на улице. Так говорит бабушка.

– Конечно, встречались! – обрывая мысли Полины, хмыкнул незнакомец. – А вы настоящая цесарка, если не в состоянии этого вспомнить.

– Я кто? – Полину внезапно разобрал смех. – Цесарка? Почему цесарка?

– Типа курица, – пояснил незнакомец. – Вас как зовут вообще?

– Ну, Полина.

– А меня, Нуполина, вообразите вот, зовут Кувшинников.

– Лопатина, – еле слышно произнесла Полина, не веря совпадению.

– Михаил, – представился незнакомый человек, стремительно становясь самым близким и родным…